

Ирина Овчинникова
Хайфа, Израиль

Анна Павлова
Гермерсхайм, Германия

СМЫСЛОВЫЕ ОШИБКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1. К постановке проблемы

Исследование ошибок в психолингвистике имеет давнюю традицию. В определившей вектор развития российского языкознания статье «О тройном аспекте языковых явлений» Лев Владимирович Щерба назвал ошибки отрицательным языковым материалом, позволяющим увидеть скрытые в норме механизмы речи (Щерба 1974). Первостепенной задачей психолингвистики является исследование, описание и моделирование механизмов психики, обеспечивающих языковую способность. Соответственно, исследование и систематизация ошибок привлекают самое пристальное внимание психолингвистов. В фокусе их интереса в основном ошибки в спонтанной речи, поскольку для неё характерно снижение контроля за реализацией программы высказывания, что увеличивает вероятность разглядеть в ошибке «разошедшийся шов» речевого механизма. Более того, ошибки признают неслучайной, необходимой приметой спонтанной речи и речевой деятельности в целом (Горохова 1986; Русакова 2013). В последнем случае имеется в виду не ошибка как отступление от нормы, а сбой в программе речевого высказывания, не откорректированный на стадии контроля. Сбои встречаются и в тех сферах коммуникации, в которых востребованы строгий контроль за речью и редактирование высказывания, т.е. в письменной речи и в официальном общении. В любой ситуации общения возможны разнообразные помехи: объективные в канале связи (посторонние звуки, фоновая музыка, всплывающие рекламные сообщения, плохое качество печати и т.п.) и субъективные у коммуникантов (слабое знание языка, рассеянное внимание и т.п.), провоцирующие коммуникативные сбои и ошибки. Чем больше шумов и помех в коммуникативной ситуа-

ции и канале связи, тем более вероятны сбои и ошибки, тем бóльший контроль за речью требуется от говорящего или пишущего. Подходы к изучению ошибок и разработанные на основе анализа ошибок модели речевой деятельности приводятся в статьях А.А. Залевской (Залевская 2009а,б).

Стоит признать, что ошибки профессиональных переводчиков в письменной речи привлекают заметно меньше внимания психолингвистов, чем данные спонтанной речи монолингвов или билингвов. Исследователи предпочитают анализировать ошибки синхронных переводчиков, не в последнюю очередь потому, что именно при синхронном переводе особенно велика вероятность обнаружить скрытые при других способах перевода механизмы переключения кодов при использовании нескольких языков (Yudes et al. 2013). Между тем для обучения переводчиков, для оптимизации перевода и усовершенствования систем автоматического перевода и разнообразных переводческих инструментов необходимо получить полное представление обо всех ошибках, встречающихся в устных и письменных переводах различных по жанру и стилю текстов.

Психолингвистическая интерпретация предполагает описание механизмов, приводящих к ошибочному переводу, анализ ошибки в аспекте порождения речи и создание типологии ошибок. В целом природа всех речевых сбоев одинакова как у монолингвов, так и у билингвов и профессиональных переводчиков. Нейрофизиологическое обеспечение языковой способности представляет собой ту природную основу, которая позволяет любому человеку овладеть любым из языков, а также использовать все известные индивиду языки в коммуникации любого рода и при любых условиях. Соответственно, нейрофизиологической и нейропсихологической характеристикой речевой деятельности обусловлены возможные отклонения и сбои в ходе порождения и восприятия речи, приводящие к появлению ошибок в высказывании у любого носителя любого из языков. Особый интерес представляют не общие достаточно хорошо изученные закономерности, а специфические для переводчиков процедуры, приводящие к смысловому искажению текста перевода.

Ошибки в передаче содержания исходного текста зачастую считают едва ли не единственным примером собственно переводческих ошибок (см. обсуждение в Гарбовский 2004). Ошибки содержания в различных классификациях обозначают как денотативные или смысло-

вые, выделяя несколько подклассов (неясности, неточности, искажения и т.п.: Комиссаров 2002; Латышев, Семенов 2003). Обратимся к обсуждению смысла текста в аспекте перевода и вариативности смысловых ошибок. В своем исследовании мы исходим из гипотезы: смысловые ошибки возникают не только вследствие нарушения логической обработки денотативного содержания исходного текста, но и за счет неверной категоризации смыслового континуума, ассоциированного с исходным текстом в сознании переводчика.

2. Понимание смысла текста и возможности психолингвистического «отслеживания» процесса осмысления

Бывает ли «правильное» понимание смысла? Ведь процесс осмысления текста сугубо индивидуален. Письменный текст – это сложный знак, который, благодаря комбинации крючков, палочек, пробелов и прочих графических изображений, возбуждает в нашем мозгу те или иные ассоциации. Как только определенные значки складываются в знакомый реципиенту образ морфемы, возникает ассоциация с их значением. Первые ассоциации на морфемном уровне включаются в более сложные ассоциации на уровне слов или словосочетаний, их грамматического оформления, их связей. Эти мини-ассоциации (мельчайшие элементы ассоциативной деятельности мозговых центров по распознаванию речи) – воспользуемся термином «семы» – постепенно складываются в смысл текста. Устный текст, в отличие от письменного, возбуждает ассоциативную работу сознания (осмысление) путем акустических сигналов (звуковых волн). Таким образом, набор ассоциаций, возбуждаемых текстом, – это и есть смысл. Осмысление, которое допустимо назвать и расшифровкой смысла, – сложнейший процесс, который лишь условно можно представить в виде последовательной цепочки операций сознания. Многие операции протекают одновременно и параллельно, в частности, параллельно действуют парадигматический и синтагматический механизмы.

Элементы смысла, как и элементы лексических значений, будем именовать семами. Сложнейший набор сем можно считать результатом (или процессом) осмысления текста именно как текста, а не как конгломерата разрозненных фраз, когда реципиенту становится ясна интенция автора, то есть когда он понимает, зачем автор создал свой текст. Лишь в этот момент последовательность предложений (или одно предложение) обретает свою текстовую природу. В этом отношении и знаменитая фраза Л.В. Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра

и курдючит бокрѐнка», и известное экспериментальное предложение-высказывание Н. Хомского «Бесцветные зеленые идеи бешено спят» (Colorless green ideas sleep furiously) – это тексты, даже если они в конкретной ситуации их изначального употребления были частями текстов бóльшего размера¹. Уже данные мини-тексты обнаруживают замысел их авторов, и уже по одной этой причине они осмысленны.

Процесс осмысления заключается в соотнесении воспринимаемого глазом (на письме) с индивидуальным опытом (знаниями языка и так называемыми «фоновыми знаниями», или «знаниями о мире»). Узнавание «нового» часто состоит в осознании некоторых связей и отношений между уже известными объектами. Сами по себе связи известны из опыта, а новое состоит лишь в их перенесении на тот объект, с которым они прежде не ассоциировались. Конечно, эффект «новизны» встречается и в случаях освоения не познанных доселе объектов. Узнавание новых объектов (например, значения нового слова) покоится на огромном числе уже знакомых сем – иначе никакая новая информация не могла бы быть воспринята. По сути, «узнать новое слово» означает выяснить новую метку (знак) для уже известного, что обеспечивается механизмом апперцепции, опорой на прошлый опыт в процессе переработки воспринятой информации. Познание новых слов происходит принципиально одинаково для родного и неродного языка, однако в родном языке обычно легче усвоить новое слово, т.к. оно мгновенно включается во множество ассоциаций, связанных с его сочетаемостью, – в то время как при изучении иностранного языка познающему субъекту требуется значительно больше усилий для выяснения типичных контекстов нового слова и его места в парадигме синонимов и тематически связанных с ним слов. Большие усилия восполняют недостающий опыт использования иностранного языка в коммуникации, что

---

¹ Рассматривая пример Щербы, который, казалось бы, призван подчеркнуть, что в нашем сознании существуют абстрактные, оторванные от смысла грамматические значения, Б.М. Гаспаров справедливо утверждает, что говорящий «в состоянии представить себе общие смысловые параметры высказывания, вытекающие из его грамматической структуры. Мы понимаем, что „глокая куздра“ означает субъект женского рода, по-видимому, одушевленный, с неким атрибутом; „будланула“ – глагол, передающий однократное и интенсивное действие в прошедшем времени; „штеко“ – квалифицирующее наречие, относящееся к характеристике этого действия; „бокр“ – объект мужского рода, одушевленный, на который действие направлено». См.: Гаспаров 1996: 73. <http://yanko.lib.ru/books/lit/1%3Dl.pdf>. Таким образом, и этот пример демонстрирует, что осмысление языкового материала – важнейшее свойство речевой деятельности.

необходимо для становления механизмов антиципации и вероятностного прогнозирования для единиц иностранного языка.

В смысл вливается множество индивидуальных ассоциаций. Однако если бы смысл не был по сути своей социален, то коммуникация между людьми была бы невозможна. «Социальность» смысла – это тот набор сем, который при восприятии одного и того же текста является общим для большой группы людей (социума). Сколько в смысле индивидуального и сколько социального, судить трудно: эта пропорция в немалой степени зависит и от конкретных текстов, и от индивидуального опыта реципиентов. Так, один и тот же текст осмысливается группой студентов отчасти по-разному, а отчасти одинаково. Например, «Метель» Пушкина понимается многими как чисто развлекательный текст, занимательный «пустячок»; другие трактуют его как образец реализма в литературе; третьи – наоборот, как насмешку над реализмом и демонстрацию вмешательства воли автора в происходящее с его героями. Таким образом, важнейшая составляющая смысла – интенция автора – трактуется в данном конкретном случае, как минимум, тройко. Однако все понимают, что речь в этой новелле идет о любви, метели, гибели одного из героев и т.д. Содержание текста (фабула) понимается значительно более единообразно, чем замысел автора. Однако для перевода важно как то, так и другое. Разночтения в понимании замысла – одна из причин разных переводческих стратегий, а также стремления переводчиков или издательств один и тот же текст переводить в разные эпохи все снова и снова.

Одной из явно социальных и важнейших составляющих смысла является понимание того, какая часть высказывания выступает в предложении в роли ремы, а какая должна рассматриваться в качестве темы. Другая, не менее важная составляющая, – умение обнаружить главные члены предложения, грамматические связи между группой подлежащего и группой сказуемого. При этом неважно, знает ли осознающий смысл субъект, как именуются члены предложения и связи между ними. Большинство процессов осознания протекает бесконтрольно, на базе автоматизма. Это не означает «бессознательно» – напротив, осмысление состоит в огромном числе сознательных операций. Но они не подвергаются рефлексии: субъект не говорит себе: «Сейчас я осмыслю грамматические связи между частями предложения, а сейчас – между предложениями; а в настоящий момент я приступаю к осмыслению семантических связей между абзацами». Метод «проговаривания

вслух своих мыслительных операций» и составления протоколов такого «думания вслух», используемый многими психолингвистами в целях попытки разобраться, что же происходит в сознании переводчика на различных этапах его деятельности, недостоверен: часть того, что человек думает, в эти протоколы не попадает, а часть искажается, так как проговаривание вслух вовсе не обязательно отражает реальные ментальные действия (Göpferich 2008: 28).

Это одна из причин того, что исследователь может только догадываться, на каком этапе переводческой деятельности возникла ошибка. Рассмотрим пример: «Он любил дровяные склады и дрова. Зимой сухое полено должно быть звонким, легким и пустым. А береза – с лимонно-желтой древесиной. На вес не тяжелее мерзлой рыбы» (О. Мандельштам, «Египетская марка»). Перевод на немецкий: Er liebte Holzstapel und Holzscheite. Im Winter muss ein trockenes Buchenscheit einen hellen Klang haben, muss leicht und leer sein. Und ein Birkenscheit muss innen zitronengelb sein und darf nicht schwerer wiegen als ein gefrorener Fisch (Üb. G. Drohla). Переводчица неверно поняла семантические связи между предложениями оригинала. У Мандельштама березовое полено рассматривается в свете требований к хорошему полену и оценивается положительно. Г. Дрола поняла, однако, этот отрывок совершенно иначе: как перечисление свойств разных видов поленьев. В предложении, где автор говорит о поленьях вообще, она добавляет к слову *полено* атрибут *буковое*, а в предложение о березовом полене включает модальность. Получается совсем иной смысл: ‚Зимой буковое полено должно быть звонким, легким, пустым. А березовое полено должно быть лимонно-желтым и на вес не тяжелее мороженой рыбы‘. Здесь налицо подмена логических связей между частями текста. Ошибка, по всей вероятности, произошла на этапе понимания, а именно в том его звене, которое отвечает за осознание логических отношений между речевыми отрезками. В данном случае добавление искажающего смысл элемента (атрибута *буковое*) вызвано расхождением в представлении о поленьях, обычно используемых для растопки печи, в русской и европейской культурах – буковые поленья в России редкость. Переводчица, воспринимая синтаксическую конструкцию как перечисление, восполнила детали на основе собственного опыта – сработал механизм апперцепции. В итоге оказался нарушен денотативный уровень текста.

Однако значительно чаще ошибки совершаются не на этапе осмысления, а на этапе реализации осмысленного средствами языка перевода. Момент зазора между осмыслением и реализацией, хорошо знакомый любому переводчику, – это момент существования семантического инварианта в загадочном для нас статусе языковой неоформленности. В этот миг смысл ясен, а формы для него еще не найдены. Скорее всего, в мозгу (во внутренней речи) этот смысловой инвариант существует в виде «смутного смыслового облака» невербализованных ассоциаций. С. Пинкер именуется соответствующий семантический «язык» внутренней речи «mentalese». Пинкер исходит из наличия language instinct, врожденного и общего для всех людей, а также из гипотетического существования «языка мышления» mentalese (по образцу простейшей машины Тьюринга) (Pinker 1994: 81), который отвечает за создание понятий и пропозиций в мозгу. Mentalese выходит за рамки национального языка: он, с одной стороны, проще, а с другой богаче национальных языков. Эта модель объединяет в себе обе формы языковой обработки, которая известна нам из ментальной модели (mental-model), где происходит параллельная обработка пропозициональных репрезентаций (близкая к языковой, основанная на символах, внешняя репрезентация) и ментальных образов (иконических, пространственно-временных представлений, внутренняя репрезентация), сопровождаемая соответствующими инференциями. Однако невозможно установить эмпирическим путем, какие именно «свойства ментальной репрезентации – независимо от функций репрезентации – являются имманентными функциями мозга. <...> Следовательно, ни для пропозициональных репрезентаций, ни для ментальных моделей нет возможности доказать или опровергнуть их психическую реальность» (Schnotz 1994: 165; перевод мой – АП). Доказательства могут быть лишь косвенными². Таковой является поиск языковых средств для уже понятого содержания (такого же рода поиск происходит при ясности интенции и неясности ее оформления и вне ситуаций перевода). Очень часто переводчику приходят в голову лишь самые частотные и нейтральные по стилистике слова и наиболее расхожие грамматические конструкции, и

---

² Мы оставляем за рамками настоящей статьи обсуждение ментальных репрезентаций языка. На наш взгляд, большей объяснительной силой для интерпретации билингвизма в целом и переводческой деятельности в частности обладают коннекционистские модели (Башкова, Овчинникова 2012). Однако поскольку ни одна из коннекционистских моделей не свободна от внутренних противоречий, мы пока не готовы использовать какую-либо из них для объяснения переводческих ошибок.

тогда он, например, употребляет идиому *закрывать глаза на что-либо* вместо более редкого глагола *попустительствовать*, выражение *что-либо было для кого-либо новостью* вместо идиомы *было в диковинку*, придаточное вместо причастного оборота или номинализации и т.д. В итоге перевод часто оказывается заметно «бледнее» оригинала, в тексте появляются нежелательная тавтология, назойливые повторы, монотонность. Все это следствие не прямой, но косвенной интерференции: забвения множества лексем и грамматических конструкций из-за того, что в памяти язык перевода, даже если это родной и исключительно богатый язык, оказывается как бы «отодвинут» на задний план. Об этом процессе «побледнения» и временного оскудения родного языка можно, опять-таки, только догадываться по косвенным признакам.

На наш взгляд, «побледнение» родного языка обусловлено объективной сложностью одновременной актуализации нескольких языковых систем в условиях ограниченного объема оперативной памяти и трудности рефлексии процедурных знаний по сравнению со знаниями декларативными.

3. Вариативность смысловых ошибок

В рамках смысловых ошибок выделяют функциональные и денотативные (Союз переводчиков России). На наш взгляд, разграничение различных вариантов важно для понимания природы ошибки. Функциональные ошибки разрушают собственно коммуникацию как взаимодействие посредством речевого сообщения, а денотативные искажают предметную отнесенность текста, затрудняют поиск области референции. Иначе говоря, смысловые ошибки затрагивают коммуникативную и когнитивную сферы, создавая препятствия в социальном взаимодействии и порождая коммуникативные неудачи. Класс смысловых ошибок неоднороден, что обусловлено как сложностью постижения смысла текста, так и многообразием возможных смысловых расхождений между контактирующими языками, а также различиями культурных традиций и правил общения. Мы рассмотрим вариативность смысловых ошибок в аспекте операций и механизмов, приводящих к возникновению искажения содержания текста.

Прежде всего стоит разграничить ошибки, ущерб от которых можно восстановить за счет более широкого контекста переводимого документа или произведения, и искажения, для компенсации которых необходимо

обращение к дополнительным источникам. Если первые касаются содержания текста, то вторые представляют собой сбои на уровне дискурса.

Поясним эту мысль на примерах. Начнем с более очевидных случаев ошибок при переводе терминологии. Терминологические ошибки в целом можно выделить в отдельный подкласс денотативных ошибок, который порой сложно отграничить от семантических ошибок лексического выбора. В целом терминологические ошибки свидетельствуют не столько о незнании слова (единицы словаря), сколько о непонимании переводчиком смысла текста и неумении диагностировать это непонимание: нераспознанный термин или терминологическое сочетание чаще всего искажают денотативное содержание переводного текста. Для терминологических ошибок сравнительно легко определить этап их появления при переводе: они возникают чаще всего на этапе восприятия текста, когда переводчик не смог распознать термин в контексте. Мы рассматриваем терминологические ошибки в одном ряду с прочими денотативными ошибками.

Перевод английского термина *delivery* (английский язык является L2 для переводчика) в учебнике для пользователей программного обеспечения как *доставка*³ (русский язык является L1 для переводчика) искажает смысл, поскольку речь идет не о доставке (трафике) программы, а о *сдаче* или *выпуске* ее последней, готовой для потребителя версии. В этом случае неточный перевод вызван незнанием терминологии или весьма приблизительным, метафоричным ее использованием, что очевидно читателю и не вызывает у него серьезных затруднений при понимании целого текста. В сущности ошибка перевода сводится к неверному выбору эквивалента для многозначного слова с широкой семантикой. На наш взгляд, эту ошибку нельзя свести к простой семантической замене, поскольку переводчик, судя его собственному признанию, представлял ситуацию как отправку готовой программы потребителю для загрузки, что требует определенного времени для прохождения по телекоммуникационным каналам. В процессе перевода произошла подмена понятий, которую легко скорректировать за счет контекста всего документа.

---

³ Все примеры, помимо цитируемых из статьи А.В. Павловой, взяты из переводов, выполненных дипломированными специалистами. Если перевод опубликован, в сноске приводится ссылка на источник. Примеры, источник которых не указан, встретились одному из авторов при редактировании переводов с иврита и английского на русский язык по заказу одного из международных переводческих интернет-агентств.

Подмена понятий может возникнуть не только в результате неверного лексического выбора при переводе многозначного слова с широкой семантикой, но и в результате перестановки – нарушения синтаксических зависимостей в исходном тексте. В переводе с английского языка *Structural design for the support steel of blast walls is based on a core temperature not exceeding 500 degrees C, in accordance with NPD S-001 Section 23* на русский *В соответствии с Разд. 23 стандарта NPD S-001 конструкция стальных опор взрывостойких стен определяется, исходя из температуры в центре взрыва, не превышающей 500°C* (с L2 на L1) обнаружена ошибка, свидетельствующая о неверном представлении о том, к чему относится температурная характеристика: к стальным конструкциям, предназначенным для взрывостойких стен, или внешней ситуации⁴. Автор перевода неверно установил отношения между денотатами исходного текста и не соотнес содержание с общим представлением о положении дел, с процедурными фоновыми знаниями о специфике использования взрывостойких сооружений. Произошла подмена понятия *температура*: наивное понятие (некоторый уровень тепла) использовано вместо научного. Переход от содержания к смыслу, к оценке референтной ситуации в контексте фоновых знаний и системы ценностей переводчика, не состоялся. Однако в контексте целого высказывания подготовленный читатель, на которого и рассчитан текст, в состоянии обнаружить ошибку, обратившись к собственным фоновым знаниям.

Перейдем к ошибкам, касающимся изменения объема понятия при переводе. К терминологическим ошибкам примыкают неточности, возникающие вследствие «фигуры умолчания», т.е. неполного перевода словосочетания или составного термина. Сама неполнота перевода отнюдь не всегда очевидна читателю: в переведенном тексте может не остаться никаких следов пропущенного содержания. Такого рода переводческая неряшливость отражает некомпетентность и неточность категоризации семантики в референтной области: английское предложение (L2) *Amazon is the world's largest online retailer* переведено на родной для переводчика русский язык как *Amazon – это крупнейший в мире интернет-магазин* с элиминацией смысла: пропала существенная для исходного текста характеристика *розничный*. Читатель текста перевода может легко восполнить информацию о розничном характере самого большого интернет-магазина за счет сведений о товарах и условиях их продажи,

⁴ www.trengtor.com/translation-notes/errare-humanum-est.shtml.

изложенных в тексте. «Фигуру умолчания» другого рода, не связанную с терминологией, но приводящую к расширению понятийного содержания текста за счет исключения существенных признаков, встречаем в переводе слогана *Safety of Funds – Transparency, Security and Integrity* на русский язык: *Безопасность инвестиций – прозрачность и надежность*⁵. При переводе слоган лишился существенной характеристики безопасности, а именно – целостности, неделимости инвестиций. Переводчик, для которого английский язык является L3, после L2 иврита и L1 русского, посчитал *целостность* компонентом такой характеристики инвестиций, как *надежность*, что свидетельствует о некомпетентности в предметной области и приводит к денотативной ошибке. Если в случае с крупнейшим розничным интернет-магазином опущенное содержание легко восстановимо, то *целостность инвестиций* как один из компонентов безопасности остается неведомой читателю переводного текста.

Помимо исключения существенной с точки зрения содержания исходного документа информации из текста перевода вследствие подмены понятий и «фигуры умолчания», возможно и добавление лишних признаков, приводящих к искажению содержания текста⁶. Неверный лексический выбор, обусловленный межъязыковой омонимией, при переводе английского выражения *as a result* с L3 на L1 (L2 – иврит) приводит к сужению понятийного содержания высказывания: *The company may change its rollover rates from time to time as a result of changes in credit markets.* – *Компания имеет право время от времени вносить изменения в ставки ролловера в результате изменений кредитных условий*⁷. В контексте целого вебсайта и в соответствии с предметной областью (биржевая торговля) выражение *as a result* следовало перевести как *в зависимости, под влиянием, в соответствии*, что и сделали переводчики на другие языки, в частности, на французский: *la société se réserve le droit de modifier ses taux de roll-over de temps a autre en fonction de l'évolution des marchés de crédit* (там же). Неверный лексический выбор показывает, что переводчик не ориентируется в предметной области и не может восстановить авторскую интенцию, а именно, желание автора внушить клиенту, что возможные изменения условий сотрудничества продиктованы некоторыми внешними, не зависящими от компании обстоятель-

⁵ www.markets.com/ru/about-us/safety-of-funds.html.

⁶ См. выше пример перевода «Египетской марки» О. Мандельштама на немецкий язык.

⁷ www.markets.com/ru/forex/fx-trading-conditions.html.

ствами. Допущенная ошибка порождает неясность содержания текста, затрудняет его понимание, хотя может быть компенсирована за счет обращения к дискурсу, если читатель знаком с биржевой торговлей онлайн.

При разграничении ошибок текстовых и дискурсивных, помимо масштаба «арены», необходимой для преодоления привнесенных переводом смысловых помех, стоит учитывать и возможности определения области референции высказывания на языке перевода. Ошибки, ущерб от которых компенсируется за счет более широкого контекста, по сути своей представляют неверный семантический выбор в силу некомпетентности в предметной области – переводчик не в состоянии выбрать верную языковую единицу в языке перевода, поскольку не представляет область референции слова в исходном языке. Между тем многие из ошибок, для компенсации которых необходимо обращение к дополнительным источникам, вызывают ассоциации с нерелевантной исходному тексту референтной ситуацией. Например, выбор при переводе с иврита (L1) на русский язык (L2) варианта *проверка затылочной прозрачности* вместо *тест на определение толщины воротникового пространства* не позволяет определить, о каком из тестов плода идет речь, искажает смысл и не может быть скорректирован на материале текста. Компенсировать такое смысловое искажение в переводе содержания медицинского сайта возможно за счет обращения к дополнительным энциклопедическим источникам – к медицинскому дискурсу; между тем, пример заимствован из перевода сайта страховой медицинской компании, не рассчитанного на профессионального читателя. Замена реалии несуществующим феноменом происходит в соответствии с операцией замещения одного явления другим в силу неверной категоризации – невключения «*проверки*» в категорию стандартного набора *тестов* в период беременности для определения здоровья будущего ребенка. Включение в эту категорию позволило бы за счет перебора тестов обнаружить необходимый вариант. Переводчиком использована широкая категоризация, то есть небольшое количество нечетко сформулированных признаков положено в основу отнесения явления (одного из тестов, предлагаемых в договоре о дополнительном страховании матери и ребенка) к категории «*проверок*» вообще, без дополнительного выделения таких признаков, как время проведения анализа и цель диагностики, без распознавания терминологической метафоры. Выбор категории в соответствии со спецификой переводимого документа –

тестов до рождения и сразу после появления на свет с целью диагностики отклонений в развитии ребенка – позволил бы определить денотат и таким образом найти адекватный термин. К ошибке приводит невнимание переводчика к деталям и использование широкой категоризации. В результате таковой невозможно определить и распознать сферу референции. Широкая категоризация отличается от расширения объема понятия тем, что приводит к более грубым смысловым искажениям. При широкой категоризации не просто изменяется иерархия понятий, но происходит их смешение, нарушение границ категорий.

Равным образом возможно и сужение категории, то есть неоправданное ограничение области референции при переводе, что также приводит к искажению денотативного содержания текста. Такое сужение возможно при переводе и терминов, и общеупотребительной лексики. В том же тексте при переводе с L1 (иврит) на L2 (русский) последняя из услуг, предлагаемых страховой компанией её клиентам, переведена как *пребывание в доме отдыха после операции: Операции в частных больницах и в рамках обслуживания «шарап» – выбор врача-хирурга и больницы, продвижение в очереди, услуги медсестры после операции, пребывание в доме отдыха после операции и др.*, в то время как речь в исходном тексте идет о реабилитации после операции. Переводчик сузил объем категории, выразив словесно только один из видов возможной реабилитации, причем выбрав обозначение неактуальной для исходной культуры реалии.

Компенсация ущерба, нанесенного читателю переводного текста такого рода ошибками, возможна только за счет обращения к дополнительным источникам информации, позволяющим определить область референции и восстановить упущенное и искаженное в процессе перевода содержание. Однако для этого читатель должен знать, что ему нанесен ущерб, что крайне маловероятно.

Наконец, смысловые ошибки и упрощения или смещения референциальных ситуаций возникают вследствие культурных различий – например, неравноценности общих символов и знаков, принадлежащих библейской традиции или европейской цивилизации в контексте разных культур. Так, перевод названия известного фильма о мальчишке из южного предместья Бостона, наделенном недюжинными математическими способностями, с английского на русский выглядит упрощенно и создает неадекватные содержанию ожидания. Оригинальное название *Good Will Hunting*, благодаря игре слов и совпадению имени героя с фразой *в поисках доброй воли*, настраивает на ожидание истории о

самопознании, социализации и поисках своего пути в жизни. В русском переводе название *Умница Билл Хантинг* упрощает смысл истории, смещая акцент с самопознания на поиск возможностей применения незаурядных интеллектуальных способностей главного героя; название придает всей истории несколько панибратский оттенок. Игра слов пропадает полностью. Вряд ли можно говорить о семантической ошибке: переводчик честно передал содержание номинации, хотя дискурсивная ошибка, смысловое упрощение налицо.

Несмотря на то, что денотативные ошибки чаще возникают на этапе понимания оригинала, было бы недопустимым упрощением видеть единственную причину денотативных ошибок в непонимании исходного текста. Денотативная ошибка может оказаться следствием неверного выбора лексемы для перевода и в том случае, если смысл понят правильно. О такой ситуации косвенно свидетельствуют, например, паронимические замены. Так, если переводчик пишет о ком-либо *У него уже текла слюна*, забыв в этот момент идиому *у кого-либо слюнки текли* и заменяя ее откровенно паронимической, то это вовсе не означает, что он не понял исходный текст. Так же точно замена дат и чисел, временных обозначений (например, *месяц* вместо *год*), килограммов на граммы и наоборот и аналогичные ошибки свидетельствуют чаще об отсутствии концентрации, нежели о непонимании отрезка исходного текста.

4. Обсуждение и выводы

Денотативные ошибки, равно как и все прочие, проявляются в виде операций: замещения, добавления, пропуска, перестановки (Штейнбах 1984). Единицей осуществления операции становится не слово, а его денотат. Между тем при оперировании словом тоже возможно появление денотативной ошибки. Ошибки лексического выбора, особенно при переводе многозначных слов с широкой семантикой, также могут оказаться денотативными, привести к смысловому упрощению или искажению высказывания и целого документа. Иначе говоря, даже если замещение, добавление, пропуск и перестановка касаются имени денотата, а не собственно понятия – в случае паронимических замен или межъязыковой омонимии – может появиться денотативная ошибка.

Смысловые ошибки можно классифицировать по разным основаниям: по принадлежности тексту или дискурсу, по невозможности определения референции или искажению области референции высказывания. Восстановимые в более широком контексте ошибки касаются

терминологии, подмены, сужения и расширения понятия. Поскольку понятие является простейшей единицей логического мышления, в составе которой выделяют отдельные элементы – признаки или, как мы договорились называть их выше, семы, – постольку понятие в рамках суждения потенциально восстановимо; следовательно, и в предложении переведенного текста можно порой реконструировать ошибочное использование понятия. Так как понятие соотносимо с сигнификатом лексического значения, необходимо выявить несоответствие сигнификатов в тексте и определить ошибочный сигнификат. Операции логического мышления, выполняемые в соответствии с законами логики, позволяют читателю преодолеть смысловые помехи, привнесенные переводчиком в текст. Однако сама операция восстановления искаженного содержания предполагает компетентность читателя в соответствующей области, высокую степень внимания, а также определенную меру недоверия к переводу. Наивный и доверчивый читатель без специальных знаний оказывается жертвой искажений. Иногда последствия такого «обмана» относительно невинны, в других случаях они могут оказаться и роковыми.

Сложнее понять смысл переведенного текста с денотативными ошибками, когда необходимо восстановить не только сигнификативную отнесенность, но и искажение области референции целого высказывания. Такое происходит не только при ошибке на уровне понятия, но и при неверной категоризации, то есть при оперировании ментальными единицами, не совпадающими с понятиями, – точнее, при неверном членении некоторого содержательного континуума, ассоциированного с текстом на исходном языке. Восстановить область референции читателю текста перевода при ошибочной категоризации весьма сложно, а зачастую и невозможно. Для компенсации ущерба, нанесенного искажающими референцию ошибками, дискурса и фоновых знаний нередко не хватает, поскольку при такого рода искажениях меняется и набор признаков понятий, и их иерархия. В данном случае логических операций недостаточно, поскольку нет приемлемых для формальной логики единиц, над которыми можно проводить такие операции. Скорее, в смутном смысловом облаке читатель может угадать необходимые ассоциации и с опорой на них восстановить смысл. Для совпадения ассоциаций читателя и автора исходного текста необходим общий опыт, общий культурный континуум, наличием которого и объясняется потенциальная возможность преодоления смысловых ошибок.

Итак, к денотативным ошибкам применимы описанные выше операции и механизмы; операции могут выполняться не над словами, морфемами и синтаксическими конструкциями, а над смутным смысловым облаком, еще не пролившимся дождем слов (Выготский 1999). В смутном облаке происходит вычленение и сгущение смысла в соответствии с переводческим представлением предметной области, которое может оказаться недостаточным. На наш взгляд, ключевым этапом диагностики и коррекции смысловой ошибки является рефлексия и редактирование. Рефлексия над текстом перевода и его редактирование – необходимые в профессиональной переводческой деятельности этапы работы. Рефлексия имеет сквозной характер – в речевой деятельности многие процессы протекают параллельно и многие механизмы действуют одновременно. Рефлексия, или контроль за выполнением программы высказывания, как раз относится к сквозным механизмам, задействованным на протяжении всего времени восприятия и производства речи, причем далеко не только в условиях перевода. Редактирование является заключительным этапом работы переводчика, нацеленным на установление соответствия содержания переведенного текста исходному. Ошибки в категоризации обычно исправляют на этом этапе.

Сниженная рефлексия над процессом категоризации представляет собой сбой в аналитическом когнитивном стиле, т.е. в процедуре вычленения существенных признаков объекта и установления различий между сходными объектами. Для этого необходим последовательный выбор единиц для сравнения – возможных вариантов передачи смысла на языке перевода. Насколько мы можем судить, в основе большей части денотативных ошибок – сбой в работе механизма выбора, т.е. парадигматической системы мозговой деятельности. Смысловые искажения, неточности и неясности возникают, как правило, при дефиците декларативных знаний.

Если обратиться к направлению перевода – на L1 или с L1, – то можно обнаружить определенную зависимость как регулярности операций, так и специфики их проявления от того, является ли L1 языком перевода. Скажем, пропуски при переводе на L1 чаще приводят к денотативным ошибкам, в то время как ошибки при пропусках в процессе перевода с L1 оказываются как семантическими, так и денотативными. Низкая вероятность появления пропуска, приводящего к семантической ошибке при переводе на L1, легко объяснима высокой компетенцией в доминантном для переводчика языке.

Возникновение ошибки возможно на любом из этапов переводческой деятельности. В целом можно выделить четыре этапа, каждый из которых состоит из последовательных стадий: восприятие текста на исходном языке; осмысление текста как целого по завершении его восприятия; передача воспринятого смысла на языке перевода; редактирование текста на языке перевода. Терминологические ошибки часто восходят к неверному распознаванию лексических единиц при восприятии текста; переводчик попросту не отличает термин от общеупотребительной лексики. Ошибки категоризации отражают сбой на этапе осмысления целого текста, поскольку свидетельствуют о неверном членении смыслового континуума. Смысловые ошибки переводчиков возникают на любом из этапов переводческой деятельности, однако на последнем этапе редактирования они могут быть обнаружены и должны быть исправлены в соответствии с профессиональными задачами переводчика.

Литература

- Башкова, И.С., Овчинникова, И.Г. (2013) Нейропсихологическая характеристика билингвизма. *Вопросы психолингвистики* 17, 53–69.
- Выготский, Л.С. (1999) *Мышление и речь*. Москва: Лабиринт.
- Гарбовский, Н.К. (2004) *Теория перевода*. Москва: МГУ.
- Гаспаров, Б.М. (1996) *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Горохова, С.И. (1986) *Психолингвистические особенности механизма порождения речи по данным речевых ошибок*. Канд. дис. Москва.
- Залевская, А.А. (2009а) Вопросы психолингвистической теории двуязычия. *Вопросы психолингвистики* 10, 10–18.
- Залевская, А.А. (2009б) Речевая ошибка как инструмент научного исследования. *Вопросы психолингвистики* 9, 6–21.
- Союз переводчиков России. Санкт-Петербургское отделение. Рекомендации. Приложение 4. *Классификация переводческих ошибок по Д.М. Бузаджи, В.В. Гусеву, В.К. Ланчикову, Д.В. Псурцеву и распределение «весов» по категориям ошибок*. http://philologist.com/joomla/index.php?option=com_content&view=article&id=214:prilozhenie-4-klassifikatsiya-perevodcheskikh-oshibok-po-d-m-buzadzi-v-v-gusevu-v-k-lanchikovu-d-v-psurtsevu-i-raspredelenie-vesov-po-kategoriyam-oshibok&catid=110&Itemid=538.
- Комиссаров, В.Н. (2002) *Современное переводоведение*. Москва: ЭТС.
- Латышев, Л.К., Семенов, А.Л. (2003) *Перевод: теория, практика и методика преподавания*. Москва: Академия.
- Павлова, А.В. (2011) Параллели между речью русских эмигрантов и билингов в Германии и тенденциями в российском дискурсе. В: Цейтлин, С.Н., Елисеева, М.Б. (ред.) *Путь в язык. Одноязычие и двуязычие*. Москва: Языки славянской культуры.
- Русакова, М.В. (2013) *Элементы антропоцентрической грамматики русского языка*. Москва: Языки славянских культур.

- Щерба, Л.В. (1974) *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука.
- Göpferich, S. (2008) *Translationsprozessforschung. Stand, Methoden, Perspektiven*. Tübingen: Narr.
- Newmark, P. (1993) *Paragraphs on Translation*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Pinker, S. (1994) *The Language Instinct: How the Mind Creates Language*. New York: Morrow.
- Schmidt, R. (2001) Attention. In: Robinson, P. (ed.) *Cognition and Second Language Instruction*. Cambridge: Cambridge University Press, 3–32.
- Schnotz, W. (1994) *Aufbau von Wissensstrukturen*. Weinheim: Beltz.
- Steinbach, H.-R. (1984) *On the classification of errors in translation papers with some consideration of interference phenomena*. http://ifa.amu.edu.pl/psicl/files/13/16_Steinbach.pdf.
- Weissbort, D., Eysteinsson, A. (eds.) (2006) *Translation – Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford: Oxford University Press.
- Yudes, C., Macizo, P., Morales, L., Bajo, T.M. (2013) Comprehension and error monitoring in simultaneous interpreters. *Applied Psycholinguistics* 34(5), 1039–1057.